

жизнь, пить, пить воду, никакъ не можетъ всю выпить; сидѣлся шукой, пошелъ ловить ерша. «Нѣтъ, говоритъ, ты шука востра, да не събьшь ерша съ хвоста.» Бился, бился чортъ, никакъ не можетъ ее изловить. Этотъ ершъ изъ моря вышелъ, зажегъ его; такъ чортъ и сгорѣлъ въ этомъ морѣ.

(Записана мной отъ уроженца Сызранскаго уѣзда, села Ермакова)

119.

ДВА БРАТА.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ купецъ богатый, знаменитый. Было у него два сына. Умеръ онъ; вдова у него еще молодая осталась; въ одинъ годъ прожила все имѣнье. Приходятъ сродники и говорятъ ей: «что ты о дѣтяхъ не печешься! хотъ бы ты ихъ отдала въ ученье!» Отдала она ихъ въ ученье, они такъ *поплатки* стали, всѣхъ *перешибл* въ ученьи Прибѣгутъ домой, нечего поѣсть: мать ихъ совсѣмъ забросила. Большой братъ и говоритъ младшему: «братецъ, намъ ѣсть нечего! Пойдемъ на охоту.»—Сдѣлали они лучекъ и стрѣлку, пошли въ лѣсъ; и съ перваго раза застрѣлили по птичкѣ. Пришли домой, сварили себѣ; даже ѣсть ничего не могутъ съ господу; мать свою разбудили, позвали ѣсть. И каждый день они были по птичкѣ; и такъ съ мѣсяць продолжалось.

Пошли разъ въ лѣсъ, поймали птичку, прекрасная такая птичка; сдѣлали клеточку, посадили ее туда. Даютъ ей хлеба бѣленьяго, сѣмечка даютъ. Пьетъ и ѣсть птичка, а дѣти радуются. На другой день птичка перелетаетъ съ мѣста на мѣсто; посмотрѣли: она снесла золотое яичко. Вынули, радуются. «Маменька, маменька! посмотрите—птичка снесла золотое яичко.» Такъ рады: золото слеткомъ. Бѣгутъ они въ воскресенье въ лавку. «Господа купцы, куп-

ните яичко, чистое золото!»—Что вы за них? «Не знаю, что пожелаете.»—Дали имъ 50 рубл. сер. Они побѣжали, такъ рады, побѣжали, купили сертучки, брючки, сапожки, бѣгутъ. Всѣ ребятинки дивятся. Мать ихъ не узнала. «Вотъ, говорятъ, какъ насъ курочка одѣла.» Принесли еще матери 25 р. сер.

Пришли они въ училищѣ; всѣ дѣти на нихъ дивятся. «У насъ, говорятъ, есть птичка; несетъ золотыя яички.» Услыхалъ учитель, сейчасъ побѣжалъ къ матери. «Пидъ васъ птичка, что несетъ золотыя яички?» Взялъ сейчасъ, смотритъ; она крылышки подымаетъ; у ней подъ крылышкомъ написано: «кто съѣстъ голову, тотъ царь будетъ; кто потрошечикъ съѣстъ, тотъ золотомъ хиркать будетъ.» И говоритъ учитель матери: «продай да продай.» Такъ присталъ. «Нѣтъ—говоритъ, какъ можно!»—Продай, я тебѣ сто рублей дамъ. «А дѣти-то?»—Ну, я ихъ учителями сдѣлаю!—Дастъ ей сто рублей. А дѣти не знаютъ ничего, сидятъ въ училищѣ. Приходятъ домой, мать имъ рассказываетъ. Иначутьъ эти дѣти.

А онъ (учитель) гостей собралъ; утку отдалъ кухаркѣ жарить. «Зажарь ее; рубль заплачу.» Кухарка поставила ее на шесточикъ. Прибѣжали эти ребятинки. «Вотъ, говорятъ, наша уточка!»—Пошла кухарка вонъ изъ кухни. Они и говорятъ: «попробуемъ; какова наша уточка.» [Большой] схватилъ голову, меньшой—потрошки, съѣли. «Ахъ, говорятъ, какая она [вкусная.]» Такъ весело имъ стало, пошли прочь. Прибѣжалъ въ кухню учитель съ тарелкой. Ужъ онъ плакалъ, плакалъ; волосы на себѣ рветъ... Всѣ гости отъ него разбѣхались; побѣжалъ онъ, поймалъ этихъ дѣтей; схватилъ за волосы, да объ полъ, да объ полъ; билъ, билъ ихъ... Они и сами не знаютъ, за что. Взялъ въ амбаръ ихъ бросилъ. «Только вамъ и жить до вечера; въ мельникъ части васъ изрублю.»

бидяты они въ амбарѣ. Одинъ-то замахнулся, червонецъ выплюнулъ. «Ахъ, братецъ, золота.» Да и золото намъ теперь не поможетъ. «Братецъ, держи руку!» Плонулъ, опять червонецъ, и жую горсть выплеваетъ. Идетъ старикъ-сторожъ. «Дядушка, подойди-ка сюда!» — Дураки, зачѣмъ вы забились въ амбаръ? — «Насъ учитель посадили, онъ насъ убить хочетъ.» «Дядушка, протяни руку.» Протянулъ онъ руку, и онъ ему дѣлую горсть золота высыпалъ. «Выпусти, говорятъ, у сдѣлой милость; мы вѣкъ вѣчный будемъ за тебя Бога молили.» Пошелъ этотъ старикъ окна закрывать, видитъ учитель бѣжитъ. «Въ самомъ дѣлѣ?» — говоритъ — «онъ ихъ убьетъ!» Пошелъ, выпустилъ ихъ. — «Не ходите, говорятъ, въ палату матери, онъ тамъ васъ найдетъ; бѣжите прямо въ дѣсь!» Побѣжали они.

Прибѣжали къ тѣсѣ, и ели спать подъ рапировымъ нустомъ. Ну, Васи, ты, говоритъ, долго спишь, а я рано встаю. Какъ встану, я пойду въ деревню, хлеба купить. — Да ты заплутаешься? «Нѣтъ, говоритъ; я буду сучечки, ломати да бросать; ты по нимъ иди.» — Утромъ всталъ этотъ большой братъ рано, вышелъ на большую дорогу. Идетъ, видитъ городъ, огромный городъ. Наряду видны кивалки. «Всѣ, поворотъ, царя померли, царя выбираютъ. Кто пройдетъ подъ святыми воротами, на воротахъ свѣчи сами загнутся, тотъ и царь.» — Ходили всѣ, и генералы, и офицеры, и солдаты, и мужики — не замигаются свѣчки. Вотъ, одинъ солдатъ и толкнулъ этого мальчика; пошелъ онъ. Вдругъ всѣ свѣчи вспыхнули. «Кто пришелъ, кто?» — Сейчас нашли этого мальчика; свѣчки погасили. Повели его офицеры въ другой разъ; опять всѣ свѣчки вспыхнули. Въ третій разъ повели его генералы подъ руки; опять всѣ свѣчки вспыхнули. Повели его въ палаты; торжество такое идетъ...

А меньшой братъ проснулся, допелъ до большой дороги по этимъ сучечкамъ, пошелъ по дорогѣ въ городъ. Въ городѣ торжество такое. Спрашиваетъ онъ; говорятъ ему, что царя сейчасъ выбрали. «Такой же, какъ ты, маленькой; и капитанчикъ такой же.» Пошелъ онъ во дворецъ. Дать наравильнымъ деньги. «Пропустите: словомъ дѣло есть до царя.» Царь его узналъ, увелъ въ кабинетъ; обмундировалъ офицеромъ. Вспомнили о маменькѣ. «Послушайте, гг. генералы, поѣзжайте вотъ туда-то; возьмите мою маменьку, одѣньте ее по генеральски, привезите ко мнѣ!» Приѣзжаютъ въ тотъ городъ за ней въ каретѣ. Она такъ испугалась. «Ваши дѣтки вамъ кланяться приказали; извольте одѣваться, поѣдьте съ нами.» — Разказали ей все; она такъ рада. А ужъ учитель тотъ въ острогѣ сидитъ. Заѣхала мать къ нему, простила его. Приѣхала къ дѣтямъ. Такъ всѣ рады были.

Пожилъ этотъ меньшой съ мѣсяцъ, думаетъ: «я, говоритъ, остался не при чемъ.» — Спросилъ благословенья, поѣхалъ въ другія земли счастья искать. Приѣхалъ онъ въ одно королевство, слышитъ: у короля было три дочери; змѣй ципеть, чтобъ царскую дочь на съѣденье вывели; а то все царство въ плѣнъ возму. Король кличъ клиналъ; не выщется ли кто змѣя убить, что тому половину царства отдашь. Поѣхалъ этотъ братъ, нанялся къ одной барынкѣ. «Ахъ, я, говоритъ, охотникъ стрѣлять; поѣду и на охоту.» Велъ коня, поѣхалъ. А ужъ царевнѣ палату еѣлали у моря. Сидитъ она, плачетъ горькими слезами. Онъ подлетѣлъ къ ней. «Что, говоритъ, вы плачете?» — Ахъ, *выюношъ* добрый, никто меня не можетъ избавить! — «Не тужите; щипите у меня въ головѣ; вѣтеръ станеть подыматься, море колыхаться, будите меня.» — Легъ онъ, заснулъ. Началъ вѣтеръ подыматься, море колыхаться; будить она его, не можетъ

добудиться. А змѣй подымаетъ голову изъ моря. Она заплакала, слеза на щеку ему капнула, онъ сейчасъ проснулся; вскочилъ на своего коня. «Ну, конь, не выдавай меня!» Налетѣлъ на змѣя, отрубилъ ему двѣ головы; а змѣй пламенемъ палить, когтями рветъ. Онъ опять налетѣлъ, сшибъ ему двѣ, потомъ опять двѣ, всѣ девять головъ; а изъ самага кровь такъ ливня льетъ; полетѣлъ къ своей хозяйкѣ на квартиру. «Что это ты въ крови?»—Да вотъ съ дерева упалъ, расшибся. Далъ денегъ, сейчасъ за докторомъ; пріѣхалъ докторъ, примочки ему, все сдѣлалъ, скоро его *зажилъ*.

Потомъ опять шестиглавый змѣй пишетъ, требуетъ царскую дочь на съѣденіе. Царь кличъ кликалъ. Старый прячется за стараго; малый за малаго; никто не вызвался. Опять черезъ недѣлю повезли эту царевну. Посадили въ палатку. А этотъ братъ говоритъ: «пора мнѣ на охоту ѣхать.» Поѣхалъ отъ барыни. Она и догадывается: «ужь не этотъ ли добрый *выюномъ* помогаетъ королю?» — Пріѣзжаетъ онъ къ палаткѣ. Ложится спать. «Поищите, говоритъ, у меня въ головѣ.» Сталъ вѣтеръ подыматься, море колыхаться, змѣй подымается. Слеза ему (брату) на щеку капнула, онъ проснулся, сейчасъ на лошадь. «Ну, добрый конь! разгорячйся, отъ земли отдѣляйся, побивай змѣя!» Налетѣлъ, двѣ головы сшибъ этому змѣю.—Опять налетѣлъ, двѣ смахнулъ. А змѣй и когтями царапаетъ, рветъ и пламенемъ *опаливаетъ*. Ну, ужь нѣтъ. Опять послѣднія срубилъ; туловища побросалъ въ море, а то оживетъ. А отъ самага кровь льетъ, поекакалъ къ этой барыни. «За бѣлкой, говоритъ, залѣзъ высоко, упалъ—убился.» Сейчасъ пріѣхалъ лекарь, примочки сдѣлалъ. Докторъ ужь такъ имъ доволенъ: *здото* горами даетъ. Пріѣзжаетъ кучеръ косточки подобрать, везетъ назадъ царевну живую.

Петомъ опять пишетъ треглавый змѣй, требуетъ порочу на сѣденье. Вывозятъ меньшую, посадили въ палатку. А она красавица - прекрасавица. Приѣзжаетъ этотъ братъ. «Вотъ моя невѣста,» подумалъ. Опять легъ спать, она ищетъ у него въ головѣ, видитъ: сталъ вѣтеръ подыматься, море молыхаться, треглавый змѣй летитъ. Слеза капнула ему на щеку; онъ проснулся. Сѣлъ на коня, поскакалъ. А змѣй близко не подпускаетъ: пламя велико. Подлетаетъ онъ, срубилъ ему всѣ головы, а змѣй ему кохтями голову продолжилъ. Онъ пошелъ и легъ въ палатку; она его платочкомъ перевязала. Обручились они перстнями. Онъ и уѣхалъ. Опять этотъ докторъ залечилъ ему раны.

Дни четыре прошло; посылаетъ онъ свою барыню. «Ступайте во дворецъ, вотъ отдайте двѣ просфиры большимъ сестрамъ, а эту съ перстнемъ — меньшей». Приходитъ эта барыня поздравить, что Господь избавилъ. Отдала просфиры, стали кушать, разломили. У меньшей въ просфирѣ перстень. «Вотъ гдѣ нашъ женихъ!» Король такъ радъ; тотчасъ за нимъ карету. Приѣзжаетъ; изъ себя молодецъ такой. Невѣста первая къ нему подлетѣла!... Такъ всѣ рады, созвали всѣхъ гостей и къ вѣнцу. А онъ всѣхъ даритъ золотомъ, все золотомъ. Пировали, пировали; потѣхали къ тому брату. Тамъ была ужъ такая-то радость, торжество!

(Записана мной отъ О. С. Котышевой, въ с. Котовкѣ, Ардатовск., у Нижегородской губерніи.)

120.

ДВѢНАДЦАТЬ МИКИТЪ.

Было у отца три сына. Вотъ онъ и поставилъ новый домъ и говоритъ: «надо намъ переходить въ домъ; вамъ надо по ночи ночевать.» Большой сынъ ночевалъ въ домѣ, что привидѣлось, пришелъ, отцу рассказалъ. Другой сынъ